

Сергей Земцов.

Перевод с английского.

Canadian Poetry. 1920-1960. Edited By Brain Trehearne. 2010.

Abraham Moses Klein.

"Portrait of the Poet As Landscape"

Портрет Поэта Созерцателя.

- I -

Для редактора,
озабоченного передовицей,
он никто, какой-то Джон Мильтон,
затерявшийся на литературной обочине.

Актриса глицериновую слезу
из-за него не проливала ни разу.

О нем хранит молчание
радио и телевидение.

Нет ни досье, ни файлов секретных.
Нет псевдонимов народу известных.

Никому не интересно
узнать его настоящее имя.

Жив ли он, мертв ли он,
не проверяет никто.

Возможно в чулане
детективы найдут его труп
с разбитым лицом,
с открытыми глазами.

Возможно и то, что он жив,
но у него амнезия,
какая-то форма безумия,
или убогая старость,
или он безнадежно влюблен.

Мы можем быть уверены,
что для общества он потерян,
он не берется ими в расчет.

Разве что, статистика ,
анонимные социальные анкеты,
включают куда-то о нем,
второстепенные закорючки,
очевидно не нужные вовсе
ни кричащей толпе,
ни тем, кто скучает.

О, и это он, культуры
инициатор и творец,
принцессы и принца учитель,
трибун с площадей, оратор,
изобретающий имена
для воздушных течений неба,
он остается цифрой,
знаком, лакуной,
никем.

- II -

На самом деле он не мертв,
он всеми забыт,
его игнорируют
как очки на веревочке,
виновато блестящие,
не нужные читателю
книги.

На самом деле он жив,
и считается сносным соседом,
но эксцентричным, таким,
которого можно простить,
и которого можно всегда отослать.

А он сам, нежный поэт,
колебаниям духа подвержен,
порой депрессивным до жути,
и считает, что лучше бы
мама его не родила совсем,
и прадедушка-привидение
ходит за ним.

Он считает,
что он проклят тем, что имеет
пять чувств, и вынужден
им доверять,
хотя объекты чувств
так иллюзорны.

Но также он знает, что есть астральное тело :
теплые части речи,
торс глагола,
красивых существительных лица!

Он знает самоощущение первой любви:
сочленения красивых причастий,
прилагательных сложность,
углы, повороты союзов!

Он помнит как стал другим,
перестал быть таким как все.

Математика мыслей,
кубические корни чувств,
патенты природы,
несвоевременный шок.

Воздух тонкий,
золотая фольга,
перекрестные взгляды
в равнодушной толпе.

Он, иногда, попадая в зенит,
надеется, что отрепетировал роль:

Графа Монте-Кристо, начавшего мстить;
неожиданно получившего наследство;
возвышенной личностью;
принца под хлороформом,
проснувшегося от запаха цветов;
или - опять принижая себя – роль
досрочно освобожденного заключенного,

- III -

Он одинок, но не совсем.

В каждом городе есть
сумасшедший вроде него,
иногда несколько,
в колледжах, в офисах -
цветные флажки на карте,
смотрители искусства,
библиотечного каталога,
прислуга, тени в тени.

Часть их это – искусство, устаревшее,
переставшее быть нужным кому-то.

Уши не слышат, не работает голова,
но завитушки, запятые на месте,
техника есть.

Это часть фрустрации –
боль искажения истины
в нечто закручено мозговое.

Они собаки Павлова, жертвы,
и выделяют слюну по звонку,
но в тарелке нет корма, пуста.

У них двадцать один алмаз в часах,
но часы не для того, чтобы узнавать время.

Какой-то дикарь,
чем-то вообразивший себя,
решивший заняться стихами,
версификацией,
принят в обществе, носит запонки,
и теперь прислушивается, рассуждает,
стал уважаемым господином.

Его нянчат чревовещатели, у них
он сидит на коленках. Художник!

Кто-то уходит в мистику,
Кто-то сходит с ума.

Один целый день смотрит в зеркало,
пытаясь познать себя там.

Другой ищет встреч с ангелами,
и уверен, что они не откажут.

А третий, одинокий и
болезненный сексуально,
изобретает, олух, новые символы,
выпуклые и вогнутые.

О, шизоидное одиночество!

Сгущение чистоты, эстетство,
жизнь для себя и для своих,
дружба, ссоры, подозрения,
аффекты желания и любовь!

Скрытые и публичные,
извращения, найденные
друг у друга.

- IV -

Он подозревает что, нечто происходит.
Нарушаются законы, заказан кем-то ночной кошмар.

Отстраняясь от всего,
он все же следит за прической,
и одевается как в резервации.
Интроверт!

Он ничего не понимает,
и мрачен, в сердце тромбоз.

- V -

Слава, адреналин:
возможность кивнуть снисходительно миру.
Каприз превращен в анекдот.
Способ быть, чтобы быть.
Выбросить песню из головы
на рекламный конвейер,
бегущую ленту.

Слава - аттракцион, не дело.
Человекообразная обезьяна
имитирует речь человека,
не слезая с дерева предков.

Скорее для него слава
это полная неудача,
повод удалиться,
стать лунатиком.

- VI -

Поэтому он сеет иллюзии,
посмотрите, это Адам номер N.

Он много чего в этом мире посеял,
но робко: имена и декреты,
пыльцу сладких звуков для вечности,
силлабический мох.

Для него, отшельника, похвала
- основа дыхания;
пока не похвален пункт, слово,
их, как бы, и нет.

И сейчас в своем воображении
он посещает другие планеты
с камерой, чтобы
фотографировать Землю.

Каждый тик вдохновения снять,
и это все он намерен включить
в свое сочинение, книгу издать.

Чтобы найти новую функцию
деклассированного ремесла,
устаревшую как у Джона Флетчера.

Чтобы найти слово, которое станет
шестым чувством.

Во всяком случае, чтобы не зря
был прожит день.

Он не амбициозен.
скорее все это развлекает его.

В тоже время он делает из
своего статуса нуля
богатую гирлянду, венок.

В нимбе своей анонимности,
среди своих секретов
он как фосфор светится,
как глубоководная рыба.

На дне океана.

(146)

Portrait Of The Poet As Landscape-- A.M. Klein

Not an editorial-writer, bereaved with Bartlett,
mourns him, the shelved Lycidas.
No actress squeezes a glycerine tear for him.
The radio broadcast lets his passing pass.
And with the police, no record. Nobody, it appears,
either under his real name or his alias,
missed him enough to report.

It is possible that he is dead, and not discovered.
It is possible that he can be found some place
in a narrow closet, like the corpse in a detective story,
standing, his eyes staring, and ready to fall on his face.
It is also possible that he is alive
and amnesiac, or mad, or in retired disgrace,
or beyond recognition lost in love.

We are sure only that from our real society
he has disappeared; he simply does not count,
except in the pullulation of vital statistics-
somebody's vote, perhaps, an anonymous taunt

of the Gallup poll, a dot in a government table-
but not felt, and certainly far from eminent-
in a shouting mob, somebody's sigh.

O, he who unrolled our culture from his scroll-
the prince's quote, the rostrum-rounding roar-
who under one name made articulate
heaven, and under another the seven-circle air,
is, if he is at all, a number, an x,
a Mr Smith in a hotel register,-
incognito, lost, lacunal.

II

The truth is he's not dead, but only ignored-
like the mirroring lenses forgotten on a brow
that shrine with the guilt of their unnoticed world.
The truth is he lives among neighbours, who, though they will allow
him a passable fellow, think him eccentric, not solid,
a type that one can forgive, and for that matter, forego.

Himself he has his moods, just like a poet.
Sometimes, depressed to nadir, he will think all lost,
will see himself as throwback, relict, freak,
his mother's miscarriage, his great-grandfather's ghost,
and he will curse his quintuplet senses, and their tutors
in whom he put, as he should not have put, his trust.

Then he will remember his travels over that body-
the torso verb, the beautiful face of the noun,
and all those shaped and warm auxiliaries!
At firstlove it was, the recognition of his own.
Dear limbs adverbial, complexion of adjective,
dimple and dip of conjugation!

And then remember how this made a change in him
affecting for always the glow and growth of his being;
how suddenly was aware of the air, like shaken tinfoil,
of the patents of nature, the shock of belated seeing,
the lonelinesses peering from the eyes of crowds;
the integers of thought; the cube-roots of feeling.

Thus, zoomed to zenith, sometimes he hopes again,
and sees himself as a character, with a rehearsed role:
The Count of Monte Cristo, come for his revenges;
the unsuspected heir, with papers; the risen soul;
or the chloroformed prince awaking from his flowers;
or- deflated again- the convince on parole.

III

He is alone; yet not completely alone.
Pins on a map of a colour similar to his,
each city has one, sometimes more than one;
here, caretakers of art, in colleges;
in offices, there, with arm-bands, and green-shaded;
and there, pounding their catalogued beats in libraries,-
everywhere menial, a shadow's shadow.

And always for their egos- their outmoded art.
Thus, having lost the bevel in the ear,
they know neither up nor down, mistake the part
for the whole, curl themselves in a comma,
talk technics, make a colon their eyes. They distort-

such is the pain of their frustration- truth
to something convolute and cerebral.

how they do fear the slap of the flat of the platitude!
Now Pavlov's victims, their mouths water at bell,
the platter empty.

See they set twenty-one jewels
into their watches; the time they do not tell!

Some, patagonian in their own esteem,
and longing for the multiplying word,
join party and wears pins, now have a message,
an ear, and the convention-hall's regard.

Upon the knees of the ventriloquists, they own,
of their dandled brightness, only the paint and board.

And some go mystical, and some go mad.
One stares at a mirror all day long, as if
to recognize himself; another courts
angels,- for here he does not fear rebuff;
and a third, alone, and sick with sex, and rapt,
doodbles him symbols convex and concave.

O schizoid solitudes! O purities
curdling upon themselves! Who live for themselves,
or for each other, but for nobody else;
desire affection, private and public loves;
are firendly, and then quarrel and surmise
the secret perversions of each other's lives.

IV

He suspects that something has happened, a law
been passed, a nightmare ordered. Set apart,
he finds himself, with special haircut and dress,
as on a reservation. Introvert.
He does not understand this; sad conjecture
muscles and palls thrombotic on his heart.

He thinks an impostor, having studied his personal biography,
his gestures, his moods, now has come forward to pose
in the shivering vacuums his absence leaves.
Wigged with his laurel, that other, and faked with his face,
he pats the heads of his children, pecks his wife,
and is at home, and slippered, in his house.

So he guesses at the impertinent silhouette
that talks to his phone-piece and slits open his mail.
Is it the local tycoon who for a hobby
plays poet, he so epical in steel?

The orator, making a pause? Or is that man
he who blows his flash of brass in the jittering hall?

Or is he cuckolded by the troubadour
rich and successful out of celluloid?

Or by the don who unrhymes atoms? Or
the chemist death built up? Pride, lost impostor'd pride,
it is another, another, whoever he is,
who rides where he should ride.

V

Fame, the adrenalin: to be talked about;
to be a verb; to be introduced as The:
to smile with endorsement from slick paper; make
caprices anecdotal; to nod to the world; to see
one's name like a song upon the marquees played;
to be forgotte with embarrassment; to be-
to be.

It has its attractions, but is not the thing;
nor is it the ape mimesis who speaks from the tree
ancestral; nor the merkin joy....

Rather it is stark infelicity
which stirs him from his sleep, undressd, asleep
to walk upon roofs and window-sills and defy
the gape of gravity.

VI

Therefore he seeds illusions. Look, he is
the nth Adam taking a green inventory
in world but scarcely uttered, naming, praising,
the flowering fiats in the meadow, the
syllabled fur, stars aspirate, the pollen
whose sweet collision sounds eternally.
For to praise

the world- he, solitary man- is breath
to him. Until it has been praised, that part
has not been. Item by exciting item-
air to his lungs, and pressure blood to his heart,-
they are pylsates, and breathed, until they map,
not the world's, but his own body's chart!

and now in imagination he has climbed
another planet, the better to look
with single camera view upon this earth-
its total scope, and each afflated tick,
its talk, its trick, its tracklessness- and this,
this he would I like to write down in a book!

To find a new function for the declass   craft
archaic like the fletcher's; to make a new thing;
to say the word that will become sixth sense;
perhaps by necessity and indirection bring
new forms to life, anonymously, new creeds-
O, somehow pay back the daily larcenies of the lung!

These are not mean ambitions. It is already something
merely to entertain them. Meanwhile, he
makes of his status as zero a rich garland,
a halo of his anonymity,
and lives alone, and in his secret shrines
like phosphorous. At the bottom of the sea.

CANADIAN POETRY

1920 TO 1960

EDITED AND WITH AN AFTERWORD BY

BRIAN TREHEARNE